
А. В. БОГДАНОВ

ЗАПАДНИЧЕСТВО В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

История отечественной философии изобилует яркими и интересными страницами, замечательными идеями и концепциями, глубочайшими дискуссиями по тем или иным проблемам, большая часть которых не потеряла и сегодня своей актуальности, злободневности, значимости, не только философско-методологической, но и социально-политической остроты. К таковым страницам, безусловно, относится знаменитый спор между «западниками» и «славянофилами», составивший один из ключевых моментов интеллектуальной и духовной эволюции страны, привлекая к себе пристальное внимание самых выдающихся мыслителей России, прошедший через весь XIX в. и в значительной, хотя и скорректированной временем, форме XX в., громко заявляющий о себе сегодня в страстных дискуссиях политиков, историков, социологов, экономистов, культурологов о дальнейших путях развития и будущем русского народа.

Было бы, конечно, ошибкой полностью отождествлять сущность и смысл вечного спора между «западничеством» и «славянофильством» вчера и сегодня, ибо эти понятия наполнились ныне во многом новым содержанием, ибо время неумолимо формирует другие условия существования, расставляет иные акценты, ставит свои задачи. Но еще большей ошибкой являлось бы полное игнорирование нашей истории, ее духовного и идейного наследия, ее уроков, – величайшие умы творили нашу национально-историческую и культурную традицию, прокладывая еще в прошлом наши сегодняшние пути в будущее. Чтобы быть достойным этого будущего, надо и сегодня пристально к ним прислушиваться, развивать богатейшее наследие, выделяя в нем главное, актуальное и современное.

Конец XX и начало XXI вв. сложились для России драматично, трагически: крах СССР, марксистско-ленинской идеологии и философии, политический и экономический кризис, обнищание и вымирание населения, криминализация общества, разброд и шатания в строительстве «дикого капитализма», по сути, уход России со всемирно-исторической арены, утрата ею статуса великой державы, чем незамедлительно воспользовались США и другие ведущие страны Запада в стремлении установить «однополярный» мир, глобализацию «по-американски». Дело дошло до того, что совсем еще недавно вопрос стоял даже не о международном статусе России, а о том, будет ли она вообще существовать как государство и как нация.

Сегодня, к счастью, здоровые силы в общественно-политической жизни страны заметно усилились, окрепли, Россия отошла от края пропасти, успешно развивает свой экономический, социальный, «людской», военный потенциал, громко и решительно заявила о своих национальных интересах на мировой арене. Путь к возрождению великой России стал реальнее, ближе. Далеко не последнее место в становлении на этот путь занимает возрождение национально-исторической и культурной традиции, в том числе и ее философской, религиозной, духовной, идейной составляющих и, главным образом, глубокие размышления об исторических судьбах страны, о месте России в мире, о будущих путях развития, ее национально-государственных интересах, ее друзьях и союзниках, противниках и оппонентах. Эти размышления идут далеко не только в тиши историко-философских кабинетов, но прежде всего – в широких кругах общественности, среди молодежи, политиков, в религиозно-церковных кругах, партийных и парламентских дискуссиях, среди интеллигенции, в СМИ. И здесь оказалось, что без возвращения к урокам великой многовековой дискуссии между «западниками» и «славянофилами», без поистине судьбоносного обсуждения проблемы о предпочтительности нашей стратегической ориентации «здесь и сейчас» на «Запад» или на «Восток» нам никак не обойтись.

Другое дело, что по форме эти споры ныне ведутся, казалось бы, между новыми «субъектами», сторонами: демократами, либералами, патриотами, правыми, левыми, различными партийными группировками и т. д. Слова «славянофил» и «западник» кажутся

сегодняшним «спорщикам» чуть ли не ретроградными и почти не употребляются. Но суть дела от этого почти не меняется, хотя запутать решение актуальных проблем может даже очень сильно. Если мы сегодня во всеоружии новых знаний и объективной оценки новых реалий, «вызовов времени» не обратимся к опыту и урокам наших великих предшественников, подтвержденным отечественной и мировой историей, то многое можем потерять. Некоторые их «подсказки» нам сейчас ох как пригодятся!

Мы, конечно, далеки от мысли в этой короткой статье воспроизвести и проанализировать все основные идеи и аргументы классиков «славянофильства» и «западничества» XIX в. Наша задача здесь скромнее, но важнее: обратить внимание лишь на те идеи, которые, мы уверены, наиболее «концептуальны» в первую очередь в «западничестве» и получили свое подтверждение в истории, полностью сохранили свою актуальность для современной России в философско-методологических и социально-политических аспектах. Это и будет служить мерой нашей нынешней ответственности, сознательности, понимания сути исторически переломного момента, дани традиции и способности оказаться на высоте сложного положения в исполнении судьбоносных для страны решений. Поэтому напомним лишь несколько необходимых «ключевых» идей и аргументов в споре «западников» со «славянофилами», «переживших» время и дающих нам верную путеводную нить в хитросплетениях сегодняшней ситуации места и роли России в мире, ее национальных интересов и ориентации в отношениях с «Востоком» и «Западом» в непосредственной реальной политике, партийной борьбе, определении геополитических и геостратегических приоритетов и ценностей.

Классическое отечественное «западничество» сформировалось в первой половине XIX в. и насчитывало в своих рядах таких выдающихся мыслителей, как П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, Н. В. Станкевич, В. Г. Белинский, К. Д. Кавелин, Н. П. Огарев, Т. Н. Грановский, И. С. Тургенев и др.

Если «славянофилы», разрабатывая христианское и прежде всего православное мировоззрение, идеализировали социально-политическое прошлое России, русский национальный характер, абсолютизировали порою самобытность и особенность русской культу-

ры, утверждая, что отечественная общественно-политическая жизнь всегда развивалась и должна будет развиваться по своему собственному пути, в корне отличному от пути западных стран, приходили к выводу о том, что только Россия призвана оздоровить Запад духом своих идеалов и помочь ему в разрешении своих противоречий и проблем, то идейная аргументация «западников» была существенно иной.

Они были убеждены (и в отличие от «славянофилов», аргументируя свои убеждения, прибегали не только и не столько к умозрительности, святоотчески-религиозным доводам, к желаемому, но и к историческим фактам, мировому философско-методологическому опыту, анализу эволюции «живой» действительности, политики и экономики, истинных и реальных, а не мнимых и идеальных интересов страны и ее народа), что Россия в определенных отношениях отстала от Запада и должна, проходя, в принципе, тот же путь развития, кое-чему у него и поучиться, что вполне естественно для всех стран мира и в чем ничего зазорного нет. Они стремились, чтобы Россия усвоила высшие достижения европейских наук и плоды Просвещения, достигла тех же высот социально-экономического и политического развития, не преувеличивала бы различий в традициях и психологии, значения и роли религии и церкви, научилась полностью ценить и признавать политическую свободу и идеи человеческих прав и равенства людей не только перед Богом, но и в реальной социальной жизни¹.

«Пионером» «западничества», несомненно, был Чаадаев. В своих знаменитых «Философических письмах», а позднее в «Апологии сумасшедшего» он определил свое историко-философское кредо в отношении России и Запада: положение дел в России (социально-политическое развитие, экономика, политика, право, права и свободы народа, система управления и т. д.) весьма безрадостно; Россия от Европы во многих отношениях отстала и, подчиняясь всеобщим законам развития, должна пройти такие же, как и Запад, главные этапы развития, а стало быть, и учиться у него; Россия должна стремиться не «выпадать» из общечеловеческого русла развития вследствие каких-то своих «особенностей», но органически «вписаться» в мировую семью народов, в европейскую исто-

---

¹ См., например: Лосский, Н. О. История русской философии. – М., 1991. – С. 50.

рию, внося и свой «вклад» в общеевропейскую сокровищницу ценностей и идеалов. Обращаясь к русской истории, Чаадаев с грустью констатировал отсутствие органической связи между ее этапами, неразвитость культурных и социальных традиций, негативные последствия трагического отказа России от принципов западной цивилизации. Вследствие православного «изоляционизма» Россия как бы «отпала» от человеческого рода, не пошла по пути западного объединения разных национальных культур. Последствия этого представляют реальную опасность для будущего России, русского народа, для самого факта их «физического» существования. «Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации (друг Пушкина, как и «славянофилы», признает «своеобразие» и «особенности» России, но видит их совсем в другом и совсем с другими последствиями. – А. Б.) состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода – ни к Западу, ни к Востоку, не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия. Впрочем, то, что издавна составляет самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение. ...Взгляните вокруг. Разве что-нибудь стоит прочно? ...Ни у кого нет определенной сферы деятельности, нет хороших привычек, ни для чего нет правил. ...Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. ...Народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство. ...Помимо общего всем характера, каждый из этих народов имеет свой особый характер, но все это только история и традиция. Они составляют идейное наследие этих народов. ...Хотите знать, что это за мысли? Это мысли о долге, справедливости, праве, порядке. ...Вот она, атмосфера Запада, это нечто большее, чем история или психология, это физиология европейского человека. А что вы ви-

дите у нас? ...Все народы Европы, подвигаясь из века в век, шли рука об руку. Что бы они сейчас ни делали, каждый по-своему, они все же постоянно сходятся на одном и том же пути...»²

Важнейшая роль в истории народов принадлежит религии, и вывод Чаадаева определен: надо, чтобы вера объединяла, а не разъединяла народы (например, католичество и православие), необходимо России вернуться в лоно единого общеевропейского христианства, а не настаивать и дальше на своих «отделенности», «особенностях», «своеобразии»: «Ясно, что если та сфера, в которой живут европейцы и которая одна лишь может привести род человеческий к его конечному назначению, есть результат влияния, произведенного на них религией, и ясно, что если слабость наших верований или несовершенство нашего вероучения удерживали нас вне этого всеобщего движения, в котором социальная идея христианства развилась и получила определенное выражение, а мы были отнесены к числу народов, которым суждено использовать воздействие христианства во всей силе лишь косвенно и с большим опозданием, то необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и наше воистину христианское побуждение, ибо ведь там все совершило христианство»³.

Конечно, картина, нарисованная «западником» Чаадаевым, и сегодня не может никого оставить равнодушным, она не может не шокировать своими страшными откровениями истинно русского человека и зачастую не может не вызвать инстинктивного отторжения. Вот почему «остроумным» царем Чаадаев был объявлен «сумасшедшим»! И он объяснился перед русским народом и перед потомками, написав продолжение «Философических писем» – «Апологию сумасшедшего»! Эта работа – не только великий и мужественный шаг мыслителя, не побоявшегося сказать народу горькую правду, не только исчерпывающее объяснение и развитие своей позиции, но и завещание нам, потомкам, провидческое прозрение через века. Здесь Чаадаев, в частности, проясняет, что такое истинный патриотизм, приносящий настоящую пользу своему народу, и что такое патриотизм ложный («славянофильский»), вред-

---

² Чаадаев, П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. – М., 1991. – Т. 1. – С. 323, 326, 334.

³ Там же. – С. 334.

ный и опасный для народа. «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть нечто еще более прекрасное – это любовь к истине... Мы живем на востоке Европы – это верно, и, тем не менее, мы никогда не принадлежали к Востоку. У Востока – своя история, не имеющая ничего общего с нашей... Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою родину, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа; но верно и то, что патриотическое чувство, одушевляющее меня, совсем не похоже на чувства тех, чьи крики нарушили мое спокойное существование... Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, со склоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если хорошо понимает ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который умудряется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы. Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия... Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество»⁴.

Поистине – ни убавить, ни прибавить! Здесь, во-первых, Чаадаев дал исчерпывающую по глубине и основательности отповедь всем современным и будущим «славянофилам» и «блаженным патриотам», обманывающим вольно или невольно свой народ и толкающим его на обочину истории, и, во-вторых, к его интерпретации патриотизма и истинных западничества, европеизма (уже без кавычек!) нечего добавить и сегодня – это безальтернативный путь в будущее для нашей страны и нашего народа. Занять свое достойное место в сегодняшней европейской цивилизации и выполнить все свои исторические задачи – долг и обязанность перед русским народом!

---

⁴ Чаадаев, П. Я. Указ. соч. – С. 534.

Несколько слов еще об одном великом русском мыслителе и «западнике» А. И. Герцене, углубляющем и развивающем критику «славянофильства», доводящем ее до логического и исторического конца, вполне актуальном и современном поборнике величия России в лоне европейской цивилизации.

Собственно, в критике «славянофильства» Герцен был, пожалуй, «острее» и решительнее «сумасшедшего» Чаадаева. Например, его дневниковые записи сороковых годов XIX в. полны нелицеприятных терминов типа «славянобесие», «славянобеснующиеся». «Удивляюсь, – пишет он в 1843 г., – как славянобеснующиеся не понимают истории, не понимают европейского развития, – это помешательство. Славяне в будущем, вероятно, призваны ко многому, но что же они сделали со своим стоячим православием и чуждостью от всего человеческого?»⁵ По справедливому замечанию Герцена, повышенный интерес «славянофилов» к славянству становится не только карикатурным и нелепым, но и ретроградным и опасным; «славянофильство» становится, по Герцену, «костью в течении образования».

Герцен подметил также и эволюцию «славянофильства» (не всех его представителей, конечно, – «славянофильство» отнюдь не было единым, однородным течением; там были и титаны мысли типа Киреевского, Хомякова, но были и «зловонные людишки» типа Булгарина) к охранительству, к проправительственным чиновникам типа «чего изволите?», к прямому предательству интересов народа: «Славянофильство приносит ежедневно пышные плоды, открытая ненависть к Западу есть открытая ненависть ко всему процессу развития рода человеческого... вместе с ненавистью и пренебрежением к Западу – ненависть и пренебрежение к свободе мысли, к праву, ко всем гарантиям, ко всей цивилизации. Таким образом, славянофилы, само собою, становятся со стороны правительства и на этом не останавливаются, идут далее»⁶.

«Резкости» Чаадаева и Герцена по отношению к «славянофилам» (подобные «резкости» имели место и со стороны «славянофилов» в адрес «западников») могут найти свое оправдание не в личных или каких-либо психологических, конъюнктурных причи-

⁵ Герцен, А. И. Собр. соч.: в 30 т. – Т. 2. – С. 235–238, 289.

⁶ Цит. по: Цимбаев, Н. И. Славянофильство. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – С. 21.

нах, но в обстоятельствах объективного порядка. «Западники» глубоко чувствовали, провидчески угадывали, видели огромный и несомненный вред, который может принести России реальное и полное воплощение в жизнь принципов «славянофильства» в настоящем, а тем более – в будущем. Поэтому-то, анализируя доводы и аргументы «славянофилов», которые они совершенно справедливо расценивали как неверные и лживые не только абстрактно-теоретически, но и опасные, губительные в плане практическом, не могли воспринимать их академически спокойно, будучи на самом деле истинными патриотами, реалистами и «прагматиками».

Несостоятельность «славянофильства» показывали не только «западники», но и отечественные мыслители самых разных направлений, и таковых было большинство, что само по себе не может не служить аргументом в пользу единства России и Европы. Так, известный представитель философии российского зарубежья Б. В. Яковенко подчеркивал уже в середине XX в.: «Славянофилы все больше проявляют себя весьма близорукими раскольниками. Это фанатики, а не терпимые люди. Они сотворили себе мир химер и стараются на основе двух-трех хороших мыслей построить обреченное строение, которого не должно быть. Они смотрят на Запад с ненавистью, это столь же пошло и нелепо, как мнение, что все русское народное пошло и мерзко. На самом деле открытая ненависть к Западу означает не что иное, как *откровенную ненависть ко всему процессу развития человеческого рода, ибо Запад как наследник античного мира представляет собой все прошлое и настоящее человечества*. Поэтому ненависть к Западу тождественна ненависти и недооценке по отношению к свободе мысли, праву, ко всем гарантиям, ко всей цивилизации вообще»⁷.

Примерно о том же писал и известный русский философ В. В. Зеньковский в ряде своих работ, изданных тоже в середине XX в. под общим названием «Русские мыслители и Европа»: «Проблемы Запада, его судьбы не являются для нас чужими, неинтересными... Мы рассмотрели развитие русской мысли в течение целого столетия и убедились в неустранимости той проблемы, которой были заняты. Русское самосознание неизбежно связано с пробле-

---

⁷ Яковенко, Б. В. История русской философии. – М., 2003. – С. 98–99.

мой Запада и его взаимоотношений с Россией – и это означает и историческую, и духовную неотрываемость нашу от Запада. Радикальное антизападничество, время от времени появлявшееся у нас и довольно остро заявившее о себе в недавние годы, неверно и неосуществимо... Именно теперь, когда вековая работа мысли коснулась всех сторон этой проблемы, мы можем и должны... подойти к вопросу о путях России, к вопросу об отношении нашем к Западу»⁸. Даже и критика Запада, ряда аспектов его политики, культуры и т. д. в работах русских мыслителей вызвана не злорадством и мотивами «отторжения», но стремлением устранить трудности большего сближения, избежать ошибок прошлого и настоящего.

Представители западнической тенденции во всем разнообразии их концепций и идей подвергали убийственной критике не только «чистых» «славянофилов», националистов, ретроградов, но и адептов других систем, так или иначе ведущих к отрыву России от Запада, к ее цивилизационной и культурной изоляции (например, «евразийство», очень распространенное, модное и в наши дни).

Вот, в частности, «приговор» «евразийству» Г. В. Флоровского в статье со знаменательным названием «Евразийский соблазн» (1928): «Судьба евразийства – история духовной неудачи... В евразийских грезах малая правда сочетается с великим самообманом... Евразийство не удалось. Вместо пути предложен тупик. Он никуда не ведет...»⁹. А вот еще более авторитетное мнение Н. А. Бердяева, который, ссылаясь также и на опыт анализа проблемы «Запад – Россия» очень многими великими русскими мыслителями, часто писал о необходимости органического единения России с Европой не в целях «подражания», окончательной и однозначной «европеизации» России, но в целях спасения культуры, народов, благотворного влияния «русской идеи», отечественной духовности на жизнь Запада: «В евразийстве есть также элементы зловредные и ядовитые, которым необходимо противодействовать... Отношение евразийцев к За-

---

⁸ Зеньковский, В. В. Русские мыслители и Европа. – М., 1997. – С. 43, 137.

⁹ Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн / под ред. Л. И. Новиковой, И. Н. Сиземской. – М., 1993. – С. 237

паду и западному христианству в корне ложное и нехристианское»¹⁰.

И, наконец, пожалуй, самые авторитетные доводы в пользу конструктивного решения проблемы Запад – Россия мы находим у величайшего мыслителя, кстати, почвенника, Ф. М. Достоевского; некоторые из них мы здесь только бегло упомянем, ибо они, ввиду их исключительной для нашей задачи актуальности и значимости, должны быть разобраны подробно и особо.

Возьмем только одно место из, по сути, духовного завещания писателя, его знаменитой речи о Пушкине в 1880 г., где он, в частности, говорит о великом значении петровских реформ и для русского народа, и для народов Запада: «Русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу... Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чужих наций... выказали готовность и склонность нашу... ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное... Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли... Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы и указания этой мысли... в характере общения нашего с европейскими племенами даже в государственной политике нашей. Ибо что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой?... О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе... изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окон-

---

¹⁰ Там же. – С. 293, 294.

чательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»¹¹

По сути, Достоевский высказывает здесь очень глубокую, универсальную мысль о единстве главных выводов «западничества» и «русской идеи», заключающихся прежде всего в тенденции единения России и Европы, в «философии всеединства» (В. С. Соловьев), в выполнении русским народом, народом «почвы», своей всемирно-исторической миссии по всечеловеческому объединению на основе веры, духовности, справедливости. Что может быть сегодня еще более актуально, верно, значимо?!

Приведенных высказываний классиков «западничества» и не только (получившихся, правда, для небольшой статьи, наверное, слишком объемными и емкими, но основы этих судьбоносных для страны принципов столь «ответственны» и важны, что нам показалось не очень корректным их просто кратко пересказать) пока для наших задач достаточно.

Подведем некоторые итоги и сделаем ряд выводов, акцентируя внимание уже на актуальных методологических «уроках» «западников», на современном значении их важнейших идей, оставляя на будущее анализ многих очень важных аспектов исследований «западничества» в истории и современной России.

Очень поучительно ныне и методологически важно отмеченное преувеличение (а то и абсолютизация) этнического и географического факторов в «славянофильстве» и «евразийстве», их негативное и опасное значение для теории и практики, особенно в современном мире. В мире, в котором на первый план выступают факторы выживания, безопасности, необходимость решения глобальных проблем и проблем глобализации, общечеловеческие ценности (одна из главных хранилищ которых – Европа) – вера, духовность, принципы свободы, справедливости. Плохо, в частности, когда православие в речениях некоторых политиков и теоретиков выступает как просто этнический признак русских людей. Тут уж поневоле вспоминаются слова одного из персонажей знаменитого фильма И. Бергмана «Земляничная поляна»: «Католичество – средство самосохранения».

---

¹¹ Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 26. – М., 1984. – С. 147–148.

Еще ряд выводов общего порядка.

Россия всегда была и остается органической, неотъемлемой частью Европы; споры о месте России в мире и о ее будущем объективно приводили к теории и практике ее сближения, единения (в том числе и «юридического», формального) с Европой, – «критика» Европы зачастую служила как бы «негативным» основанием к такому сближению. Превалирующая и в итоге победившая концепция «западничества» прямо и непосредственно, а все остальные системы («славянофильство», «евразийство», «теория культурно-исторических типов», «русская идея», «русский космизм», «почвенничество» и др., как мы видели, в частности, на примере идей столь различных, но равно глубоких мыслителей Чаадаева, Герцена, Достоевского, Лосского, Зеньковского, Яковенко, Флоровского, Соловьева, Бердяева) – косвенно, опосредованно не могли не привести, в конечном счете, в XX в. к главному – выводу естественности и необходимости, безальтернативности объединения с Европой. Конкретные формы, этапы такого объединения – сложная проблема ближайшего будущего, на этом пути придется преодолеть много трудностей, решать многие проблемы объективного и субъективного порядка, бороться с суевериями, предвзятостями, предрассудками, недругами России, выступающими против такого объединения («подсказки» наших мыслителей здесь и ныне очень пригодятся!). Вхождение России в ЕС в этом плане – лишь первый, хотя и чрезвычайно важный шаг. Но это – глобальная проблема пути России в будущее, возрождения ее величия, проблема спасения мировой культуры и цивилизации.

Один из важных уроков великого спора, начавшегося в XIX в., – дело совсем не в словах и не в терминах. Так, например, получается, что содержание и суть феномена «западничество» гораздо шире и глубже самого термина. В сущности, глубинные идеи «западничества» разделяли фактически все выдающиеся русские мыслители, не ограничивая себя рамками какого-то формального направления. Об этом методологическом моменте нужно помнить сегодня, когда многое запутано и смешано, схоластицировано и заезжено, в том числе и в области терминологии.

Мы не случайно практически везде брали термины «западничество» и «славянофильство» в кавычки. Причин этому несколько, и

они имеют не только теоретический, но и практический смысл и значение. Прежде всего эти термины представляют собой некие условные символы, схемы, далеко не во всем совпадающие с реальным, действительным содержанием рассматриваемых феноменов. Жизнь всегда сложнее всяких схем; абсолютизировать «схемы», «символы» – дело неблагодарное и опасное, что мы можем видеть, в частности, на примере марксистско-ленинской историографии нашей темы. Далее, в «прокрустово ложе» «западничества» и «славянофильства» совсем не укладываются взгляды и концепции формальных и признанных представителей этих течений: и Чаадаев, и Герцен, так же, впрочем, как и Хомяков и Киреевский гораздо глубже и шире всяких схем. И наконец, самое, пожалуй, главное: реальные феномены «западничества» и «славянофильства» никогда не оставались сами себе равными, постоянно изменялись, эволюционировали, наполняясь вслед за историческими переменами новым содержанием, новыми аргументами, аспектами, выводами, выводя на историческую арену в различные эпохи жизни России новые фигуры своих адептов (философов, политиков, экономистов, историков, правоведов и т. д.), получая другое социально-политическое звучание, другие смысл, роль, значение, общественный и международный резонанс.

Сегодня, наверное, в нашей науке, общественно-политической действительности трудно найти в «чистом виде» «западников» и «славянофилов», тем более абсолютно таких, какие были у нас в XIX в. Главные тенденции, сущностный смысл и направленность, конечно, сохранились, как и обязано в конечном счете сохраняться ядро национально-исторической, культурной традиции, иначе страна, народ просто перестанут существовать как таковые. Но сохранились именно только аналогии, суть, тенденции, проблемы. Изменились и по форме, и по содержанию идеи, концепции, аргументы, выводы, цели, социальный и политический контексты. Нынешние «западники» и «славянофилы» выступают в современных одеждах и ролях иных субъектов общественно-политического действия, иного времени. Сегодня они могут быть представителями различных партий и движений, органов законодательной и исполнительной власти, системы образования и воспитания, быть демократами и либералами, монархистами и коммунистами, правыми и

левыми, патриотами и космополитами, экономистами, политиками, философами, юристами, историками и т. п., теоретиками и практиками. Споры между ними могут принимать нешуточный оборот, путаница может возникать очень большая (в том числе и «словесная», и терминологическая). Выводы и рекомендации могут быть самыми разными, многоаспектными.

Но самое важное, что и заставляет нас сегодня в обязательном порядке обращаться к урокам истории, заключается в том, что при всем плюрализме идей, широкой палитре «красок» речь, в конце концов, как и во времена Чаадаева и Герцена, идет о судьбах и путях России в еще более ответственный, поворотный момент истории: кто мы? куда идем? с кем мы? кто наши союзники и противники? что делать? Речь идет (в контексте объективных процессов нынешней глобализации) о принципиальных и далеко идущих геополитических и геостратегических проблемах, о проблемах национально-государственных интересов и государственной безопасности, о месте и роли России в современном мире, о будущем страны и народа, о том, будем ли мы существовать завтра и как, в каком «качестве» будем существовать, о возрождении величия России. И в этом плане при всем «громადье» проблем великие уроки отечественного «западничества» позволяют нам сегодня сформулировать вполне определенную, конкретную, наиважнейшую и первостепенную задачу, сделать главный вывод: правы наши западники, – Россия, будучи неотъемлемой и важнейшей частью Европы, должна, несомненно, объединиться с ней политически, экономически и т. д., преследуя свои национальные интересы, в целях национально-государственной безопасности, для сохранения России и русского народа, для выполнения задач по выживанию, стоящих перед всем человечеством. Эта задача и этот вывод должны, конечно, конкретизироваться, дополняться, развиваться с учетом современных реалий, используя весь комплекс достижений современной культуры, науки, используя усилия специалистов всех областей теории и практики для проведения, в частности, большого количества исследований, опираясь, естественно, не только на отечественный, но и на западноевропейский опыт.

В плане перспектив и направлений подобных исследований здесь кратко хотелось бы отметить следующее.

Необходима детальная разработка, причем на международном уровне, ибо в сближении России и Европы заинтересованы и обе стороны, и весь мир: это не только «естественно-исторический» процесс, восстановление исторической традиции, органического единства и цельности Европы, но и гарантия безопасности и процветания ее народов, главнейший фактор обеспечения будущего человечеству – путей и этапов объединения, устранения трудностей и препятствий, создания институтов и организаций новой, единой Европы.

Уже сегодня появились первые, весьма обнадеживающие «ласточки» такого объединения. Например, программная инициатива Демократической партии России по вступлению в Европейский Союз как конечная и логичная цель программы этой старейшей партии новой России. Или заявление в конце октября 2007 г. на тот момент действующего Президента РФ В. В. Путина накануне саммита Россия – Евросоюз в Португалии о создании «Российско-европейского института свободы и демократии». Этот институт будет открыт в Европе на российские деньги. Уже сейчас ясно, что важными направлениями деятельности подобных институтов могут и должны стать, в частности, устранение ошибок и недостатков, негативных сторон в теории и практике отношений России и Европы (например, выявление корней и последствий предрассудков и суеверий типа русофобии); предотвращение превратных или провокационных толкований обостренных периодов вышеупомянутых отношений в прошлом; опасность впадения в крайности, абсолютизацию при анализе проблем патриотизма, «евроцентризма», современного «западничества», либерализма, разнообразия форм демократии, международного права и др.